

СРЕДСТВАМИ НАШЕГО РЕМЕСЛА

Сегодня заканчиваются гастроли в Челябинске московского театра «Современник». Предлагаем нашим читателям беседу с народным артистом РСФСР Олегом ТАБАКОВЫМ.

Бескомпромиссным, чистым и честным подростком Олегом Савиным из фильма «Шумный день» (сценарий Виктора Розова), шашкой отца рубящим мебель — символ ненасытного мещанства, вошел в сердца зрителей совсем молодой тогда (в 1961 году) артист театра-студии «Современник» Олег Табаков.

Сейчас Олег Павлович — народный артист РСФСР, большой мастер, много работающий в театре и кино, на телевидении и радио. Во время гастролей челябинцы аплодировали ему за исполнение ролей Нурскова («Обратная связь» А. Гельмана), Балалайкина («Балалайкины и К» по М. Салтыкову-Щедрину), Мальволио («Двенадцатая ночь» У. Шекспира), Анчугина («Провинциальные анекдоты» А. Вампилова), Сантехника («А поутру они проснулись» В. Шукшина).

— Олег Павлович, изменились ли ваши взгляды на театр, на его место в жизни общества за те двадцать три года, что прошли со времени создания «Современника»?

— Наверное, изменились. По крайней мере, на мое место в театре, в искусстве. Вернее всего это можно проверить на моей актерской практике...

— Но актер не хозяин своей судьбы. Он во многом зависит от репертуара театра, от приглашений на роли в кино и на телевидении...

— Не согласен. Это точка зрения, которую можно простить начинающему актеру... Нет, артист сам делает свою судьбу в искусстве. После болезни, многое переживав, я дал себе слово не размениваться на мелочи, не растрачивать себя на то, что уведит от главного.

— Что же стало главным для вас?

— Прежде всего, произошли изменения в «Современнике». Ушел Олег Ефремов, возглавлявший МХАТ. Я не знаю, нужно ли повторять, чем был для всех нас Ефремов — инициатор создания «Современника». Лично мне Ефремов особенно дорог еще и той высокой нравственной атмосферой, в которой я под его руководством формировался как артист, а главное, как человек. Кем бы я был, если бы не его влияние? Возможно, самодовольным премьером в каком-либо театре. Но вот ушел Ефремов, и получилось так, что часть его забот должен был взять на себя еретик.

— Еретик?

— Да. Дело в том, что и при Ефремове я далеко не всегда полностью разделял его эстетическую позицию. Я не только сейчас говорю об этом. И при Ефремове я выступал на эту тему на страницах печати (в «Комсомольской правде», например). После ухода Ефремова главным режиссером «Современника» стала Галина Волчек, а я — директором театра.

— И как вы чувствовали себя на этом посту?

— Как всякий способный и хитрый дилетант, я быстро понял, как не надо руководить. А если серьезно, я поставил перед собой три задачи: сохранить лучшее из того репертуара, что уже было, сделать все, чтобы появились новые интересные спектакли, набрать и поставить на ноги артистов нового, молодого поколения. Когда я счел эти задачи выполненными, я ушел из директорского кабинета, чтобы заняться тем, что считаю для себя главным делом.

— Что же это за дело?

— Я веду курс в Государст-

Олег Табаков со своими студентами.

венном институте театрального искусства имени Луначарского. Судьба этого курса не совсем обычна. Ребята два года занима-

лись у меня в драмкружке. Теперь под руководством моих товарищей и моих они овладевают актерским мастерством. Задачи, которые мы, преподаватели, поставили перед собой, не простые, и некоторые из тех, кто начинал вместе с нами, уже отошли в сторону. Сейчас нас четверо. Вместе со мной — артисты нашего театра Константин Райкин и Авангард Леонтьев, педагог по пластике Андрей Дроздин. Ребята на третьем курсе, и в активе уже три спектакля. «Белоснежка и семь гномов» (ставили мы вместе с Райкиным и Леонтьевым) идет на сцене «Современника». Валерий Фокин поставил композицию по письмам Николая Островского «С весной я вернусь к тебе», а Райкин и Дроздин — «Маугли» Р. Киплинга. Мне нравятся наши ребята, я ценю в них серьезное отношение к делу. По этому признаку, впрочем, они и подбирались.

— Как вам удается совмещать работу в театре, кино, на телевидении, радио с преподаванием?

— Конечно, сложно. Но вы, наверное, понимаете, что если человек моей благополучности занимается этим, а мои товарищи отдают так много сил, то все — не просто так...

— Есть мысли о создании нового театра?

— Твердые намерения.

— И каким вам видится ваш новый театр?

— Совмещающим в себе эстетическую систему координат «Современника» студийного периода с несколько иной системой координат эстетических.

— В чем отличие?

— Прежде всего — в драматургии. Мимо «Современника» проходит целый ряд писателей — русских классиков: Гоголь, Достоевский, Сухово-Кобылин, Салтыков-Щедрин; наших современников: Булгаков, Вампилов, Аксенов; зарубежных: Шекспир, Мольер, Стринберг, Беккет, Олби, Мрожек — то есть та литература, где все заварено на правдоподобии невероятного.

— И созав свой театр, вы ужедете из «Современника»?

— Пока я нужен «Современнику» как артист, я не покину его. Да и работу актерскую я оставить не смогу.

— А может быть, одна из причин вашего желания создать свой театр в том, что не хватает простора для исполнения всех замыслов?

— Нет. Я недавно «Ревизора»

поставил в Шеффилде — кстати, в наиболее посещаемом провинциальном театре Англии. Чего, казалось бы, еще?

Любопытная деталь. Первое наше интервью с Олегом Табаковым состоялось в 1968 году, когда он приезжал для участия в спектакле театра имени С. Цвиллинга «В день свадьбы» В. Розова (роль Василия Заболотного). В Челябинске Олег Павлович приехал тогда сразу после исполнения роли Хлестанова в пражском театре «Чиногерны клуб», роли, ранее на родной сцене не игравшей. И вот снова упоминание о «Ревизоре» — теперь уже режиссерская работа на зарубежной сцене.

— Мы с вами разговаривали одиннадцать лет назад, — продолжает Табаков, — давайте вспомним основные мои работы за это время в кино, на радио, телевидении. В кино это «Гори, гори, моя звезда», «Каштанка», «Неоконченная пьеса для механического пианино», на телевидении — «Конек-Горбунок», «Белый парус одинокий», «Накануне премьеры»... На радио — Пушкин, Толстой, Чехов, Катаев... Скоро на телевидении выйдет «Василий Теркин» Александра Твардовского (я рассматриваю эту свою работу как дань памяти тем, кто отдал за нас жизнь). Готовится к выходу на экран кинофильм Никиты Михалкова «Обломов»...

— Вновь Гончаров? У многих в памяти ваш Сашенька Адуев...

— Мне бы хотелось вернуться к «Обыкновенной истории». Но сыграть на этот раз дядюшку.

— Олег Павлович, в начале вашего актерского пути вам выпало ответственное счастье быть выразителем дум и стремлений целого поколения ваших сверстников. Именно так расценивала молодежь шестидесятых годов ваших героев в фильмах «Шумный день», «Чистое небо», «Молодо-зелено», «Строится мост» и других. Прошли годы. Ваши герои стали старше, образы, создаваемые вами, несравненно более многообразными, выросло мастерство. Но нет ли, не знаю, как тут точно выразиться, момент быть, зависти к тому пятнадцатидвадцатилетней давности образу?

— Зависть? Не знаю. Все эти годы я старался жить так, чтобы моему тезке — Олегу из «Шумного дня» не было за меня сегодняшнего стыдно. Возвращаясь к первому вашему вопросу, отвечу все же так: несколько изменились мои взгляды на эстетику театра. Но в основном — нет. Остались теми же, что в юности. Я по-прежнему считаю, что задача театра — изменять жизнь к лучшему средствами нашего ремесла.

Интервью вела И. КАПЛИНА.